

ПУТИ ПЕРЕХОДА С КОЧЕВОГО НА ОСЕДЛЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ И ОБРАТНО НА ЯМАЛЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ 30-х гг. XX в.¹

Е.А. Волжанина

Рассматриваются факторы, обуславливающие переход от оседлого к кочевому образу жизни и обратно у ненцев Ямала в первой трети XX в. На основании анализа конкретных примеров из первичных материалов похозяйственной переписи народов Севера показано, что ведущим объективным стимулом, определяющим выбор в пользу кочевания, являлось стремление и возможности получения хозяйством экономической выгоды.

Кочевое население, Ямал, оленеводство.

Традиционная хозяйственная деятельность большинства современных коренных малочисленных народов Севера в прошлом предполагала сезонную смену места жительства. При этом народы Севера не всегда официально признавались кочевниками. Существующие в научных кругах знания о них в разные исторические периоды способствовали отнесению их к различным категориям населения. Согласно Уставу М.М.Сперанского «Об управлении инородцев», охотники, рыбаки и оленеводы включались в разряд бродячих, т.е. «ловцов, переходящих с одного места на другое по рекам и урочищам» [Судьбы народов..., 1994, с.19]. Данную точку зрения пересмотрели в середине 20-х гг. XX в., когда было принято решение, что название «бродячие» «совершенно не соответствует установившемуся за последнее время наиболее правильному понятию кочевых охотников, оленеводов и прочих», для которых на самом деле характерен определенный порядок перекочевки и сезонная смена пастбищных и охотничьих угодий [Терлецкий, 1932, с. 6]. С этого времени ведущим методологическим приемом в статистических исследованиях при анализе их экономики стало разделение хозяйств народов Севера на кочевые и оседлые.

На сегодняшний день более половины кочевого населения Российской Федерации составляют ненцы Ямало-Ненецкого автономного округа, проживающие главным образом в трех тундровых районах: Приуральском, Тазовском и Ямальском, в хозяйствах которых сосредоточена основная часть общероссийского поголовья оленей [Клоков, Хрущев, 2006, с. 25]. Вопрос о времени отнесения ненцев к числу кочевников тесно связан со становлением у них оленеводства крупнотабунного типа. Опираясь на палеогеографические, археологические, этнографические и нарративные данные, исследователи по-разному датируют начало и завершение становления крупнотабунного оленеводства у ненцев, выделяют разные этапы и стимулирующие факторы его развития [Васильев, 1976; Хомич, 1976; Головнев, 1993; Крупник, 1974]. Несмотря на расхождения между учеными, общее мнение таково, что к началу XX в. крупнотабунное оленеводство являлось ведущей формой ненецкой экономики со сложившимся комплексом характерных представлений и методов хозяйствования. Именно к периоду становления новой отрасли хозяйства относится формирование традиционной установки, признанной аксиомой для ненцев, согласно которой «каждый “сидячий” тундровой промысловик, не имеющий возможности кочевать, стремился “подняться на каслание”, т.е. нарастить поголовье оленей, сделаться оленеводом и жить... “настоящей жизнью»» [Харючи, 2001, с. 12], что отмечается в работах разных исследователей [Головнев, 1995, с. 45; Stammier, 2004, с. 220].

В данной статье рассматриваются факторы, обуславливающие выбор ненцами кочевого или оседлого образа жизни. В этой связи мы решили обратиться к источникам конца 20-х — первой половины 30-х гг. XX в., характеризующим традиционные отношения внутри ненецкого общества во взаимосвязи с социально-экономическими и этнокультурными процессами, проис-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Кочевое население и традиционное землепользование на Ямальском Севере в первой трети XX в.», проект № 12-31-01236, и гранта в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»: «Кочевой образ жизни и традиции землепользования ненцев Ямала в XX–XXI веке».

Пути перехода с кочевого на оседлый образ жизни и обратно на Ямале...

ходящими в их среде. Это первичные материалы переписи Ямальского райисполкома 1932–1933 гг. и похозяйственной переписи Управления народохозяйственного учета РСФСР 1934–1935 гг., землеустроительной экспедиции 1934–1935 гг. в Ямальском районе, содержащие характеристики хозяйств ненцев и их рассуждения о преимуществах и недостатках кочевого и оседлого стилей жизни, качества работы торговой и административной системы на Севере накануне мероприятий, направленных на ликвидацию их культурной отсталости (коллективизация, перевод на оседлый образ жизни и др.), записанные регистраторами непосредственно со слов опрашиваемых домохозяев.

Тундровый хозяйственный комплекс, сформировавшийся у ненцев, не предполагал, что все оленеводы должны быть владельцами крупных стад [Головнев, 1993, с. 89]. Более того, мы можем говорить о складывании в тундровой зоне целостной системы хозяйства, включавшей тундровый (оленоводческий), арктический, южно-тундровый и лесотундровый хозяйственные комплексы, ни один из которых не мог существовать по отдельности [Там же, с. 131]. В этом отношении показательны сведения о размерах оленьих стад у населения, свидетельствующие о преобладании малооленных хозяйств, с поголовьем оленей, не дотягивающим до необходимого прожиточного минимума, составлявшего, по оценкам разных исследователей, от 130 до 500 голов [Там же, с. 78; Евладов, 1992, с. 251; Суслов, 1930, с. 34–35]. Согласно посемейно-хозяйственным бланкам 1932–1933 гг., 58,9 % хозяйств в Ямальском районе имели стада до 100 голов, 21,6 % — от 101 до 200, 13,5 % — от 201 до 400 и 6 % — 401 и более [Волжанина, 2011, с. 225]. В 1934 г. в ходе переписи УНХУ в южной части Ямальского полуострова из 296 зарегистрированных оленьих хозяйств 235 имели до 100 оленей [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 36, л. 173]. Данные факты указывают, с одной стороны, на завершение процесса выделения отдельных семей в составе родов и перехода оленей в их собственность [Васильев, 1976, с. 327–328]. В первой трети XX в. малооленными становились нуклеарные семьи, выделившиеся из состава больших семей и получившие оленей в результате хозяйственного раздела. С другой стороны, малооленность семейных хозяйств можно рассматривать как выражение временного состояния разорившихся в силу разных обстоятельств или недостаточно окрепших семей оленеводов, компенсирующих недостаточное количество оленей промыслами.

На состояние оленеводческого хозяйства оказывает влияние множество факторов (биологических, санитарно-эпидемиологических, социально-экономических). Одним из следствий распространения оленеводства на Ямале стали периодические вспышки заболеваний оленей, приобретавшие характер эпидемий и приводившие к массовой гибели животных и разорению их владельцев. В 1908, 1911, 1914 гг. наблюдался падеж оленей от сибирской язвы в районе озер Яррото, Ямбуто, Нейто, Мордымалто, мыса Каменного, рек Тарко-Сале, Таркасэбэсьяха, Харасавэй [Королев, Кувичев, 1990, с. 34], в 1931–1933 гг. — от копытки и легочных заболеваний в бассейнах рек Сеяга (Карская), Ясовой-Яга, Паду-яга, Ой-яга, Падератта [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 203; Волжанина, 2011, с. 226].

Распространение малооленных семей и, как следствие этого, сокращение поголовья оленей в Ямальском районе в первой половине 30-х гг. XX в. участники землеустроительной экспедиции объясняли нехваткой промышленных и продовольственных товаров и низким выходом песка, из-за чего население вынуждено было забивать больше оленей, чем обычно [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 203]. О непостоянстве «оленьего счастья» свидетельствует динамика поголовья оленей в отдельных ненецких хозяйствах, переписанных в 1926, 1932 и 1935 гг. (табл. 1). Авторы таблицы использовали ее для доказательства хищнического заоя оленей шаманами и кулаками. На наш взгляд, эти данные ярко демонстрируют стремление бедных хозяйств нарастить свое стадо несмотря ни на что. Не случайно число хозяйств, у которых поголовье оленей выросло за 10 лет, совпадает с количеством хозяйств, у которых стада уменьшились, независимо от их социальной принадлежности. Несмотря на то, что отнесение хозяйства к той или иной социальной группе только на основании количества оленей в рассматриваемый период теоретически считалось неверным, оно очень широко применялось на практике. Проведение государством обязательной контрактации оленей у кулаков и середняков, размеры которой составляли от 15 до 700 голов, послужило еще одной причиной сокращения оленьих стад в рассматриваемый период [Волжанина, 2011, с. 226]. В результате действия всех вышеобозначенных факторов поголовье оленей в Ямальском районе в 1935 г. сократилось на 25 % по сравнению с 1926 г. [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 202 об.].

**Динамика оленьего поголовья в отдельных хозяйствах ненцев
по данным переписей 1926, 1932 и 1935 гг.***

Фамилия, имя главы хозяйства	Поголовье оленей		
	1926	1932	1935
А. Бедняцкие хозяйства			
1. Сэротетто Сэроко	32	32	27
2. Сэротетто Полита	22	37	60
3. Езынги Сеська	54	64	103
4. Езынги Ханси	29	26	30
5. Езынги Ванья	46	36	92
6. Езынги Омбу	72	75	85
7. Ламду Ханюты	25	64	30
8. Солиндер Толька	90	80	59
9. Солиндер Хабнине	85	100	42
10. Салиндер Яули	22	59	34
11. Солиндер Епсутта	32	48	90
12. Сарпиво Папали	107	36	31
13. Сэротэтто Пупта	78	56	53
14. Сэротетто Арка	40	40	121
15. Сэротэтто Тир	85	89	100
16. Сэротэтто Нибоку	33	69	56
17. Сэротэтто Савоие	183	113	137
18. Худи Яптоко	55	76	100
19. Худи Хануй	88	150	83
20. Худи Тындали	65	105	32
21. Худи Вэмбой	88	84	90
22. Худи Тэблю	100	100	134
23. Худи Михаил	46	57	40
24. Худи Мынидома	47	81	80
25. Худи Вэрье	220	118	120
26. Яптик Пароди	45	42	50
27. Яптик Вачу	179	70	70
28. Яптик Мойма	31	73	159
29. Окотэтта Хасовой	219	100	170
30. Окотэтто Хатю	54	140	250
31. Яптик Онсю	201	50	20
32. Вануйта Пики	368	143	100
33. Окотэтто Лякы	170	360	150
34. Вануйта Тяну	80	53	30
35. Сэрпиво Янг	77	126	120
Итого по бедняцким хозяйствам	3168	2952	2968
Б. Средняцкие хозяйства			
1. Окотэтто Вэли	160	145	200
2. Сэротэтто Юрнопом	80	160	225
3. Сэротэтто Ноби	188	199	250
4. Сэрпиво Ачикоче	109	216	300
5. Окотэтто Хасоворка	200	198	250
6. Сэрпиво Вэле	116	164	213
7. Сэротэтто Хасовой	492	333	350
8. Окотэтто Хатей	200	216	300
9. Худи Алу	300	280	186
10. Худи Сась	310	290	250
11. Яптик Нелеку	248	140	110
12. Яптик Хавули	413	280	163
13. Езынги Сейку	81	115	138
14. Окотэтто Уды	574	391	153
15. Худи Яворчи	418	370	300
16. Тибичи Кузьма	490	338	267
17. Сэротэтто Пуда	177	111	257
18. Сэротетто Тада	320	260	90
19. Сусой Хабай	191	200	200
20. Окотэтто Нембой	312	321	300
Итого по средняцким хозяйствам	6436	4730	4502
В. Кулацко-шаманские хозяйства			
1. Вануйто Юзы	1120	810	432
2. Окотэтто Вазеда	1020	880	800
3. Венга Терка	634	350	300
4. Сэрпиво Ютола	145	290	80
5. Тусида Ярколоко	986	500	450
6. Худи Сылома	778	340	503
7. Хородя Нарикуче	1050	665	800
Итого по кулацко-шаманским хозяйствам	5773	3695	3270
Всего по всем социальным группам	14377	11377	10880

* Источник: ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 202–202 об.

Пути перехода с кочевого на оседлый образ жизни и обратно на Ямале...

По переписи 1932–1933 гг., на Ямале насчитывалось 558 кочевых, преимущественно ненецких, хозяйств [Волжанина, 2011, с. 223], в 1934 г. — 698 [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 95, 97 об.]. К сожалению, абсолютные данные не доказывают количественного роста за 2 года. Если брать относительные данные, то доля кочевников даже сократилась в общем числе хозяйств, проживающих на Ямале, с 79,5 до 72 %. При этом в первом случае было переписано все население полуострова, а во втором — только промысловое.

Регистраторы похозяйственной переписи УНХУ РСФСР 1934–1935 гг., охватившей юг Ямальского района, сумели выявить разные модели поведения ненцев, оказавшихся перед выбором: кочевать или жить оседло. На основании ее материалов, все ненецкие хозяйства делятся на кочевые, передвигавшиеся со своими стадами круглый год с места на место, независимо от продолжительности кочевого маршрута; полуоседлые, занимавшиеся главным образом рыболовством, владевшие небольшим количеством оленей, лето проживавшие стационарно и кочевавшие зимой; и оседлые, имевшие жилые и хозяйственные постройки. Относясь к территории, на которой взаимозависимость трех хозяйственных комплексов (тундрового, южно-тундрового и лесотундрового) была наиболее ярко выраженной, данные переписи не оставляют сомнений, что кочевой образ жизни являлся привлекательным для ненцев. Хозяйства, потерявшие свое стадо в результате падежа оленей от болезней и ставшие малооленными, стремились снова приобрести их в достаточном количестве, чтобы кочевать, демонстрируя модель поведения, рассматривающую переход от кочевого к оседлому образу жизни как временное состояние.

Традиционными приемами, позволяющими хозяйству, несмотря на потерю оленей, продолжать кочевать, у ненцев были совместное кочевание с состоятельными оленеводами (не обязательно родственниками), найм к ним пастухами (плата осуществлялась оленями), взятие оленей во временное пользование (*подерпо*), объединение хозяйств для совместного выпаса оленей (*ларма*), система отдаривания (*тында*). Они практиковались и в конце 20-х — первой половине 30-х гг. XX в., но население стало прибегать к ним реже. Самым распространенным способом наращивания стада в этот период стал обмен продукции рыболовства и охотничьего промысла на оленей у богатых оленеводов: по стоимости 1 олень равнялся 1 песцу или 1 ящику рыбы (0,5 ц) [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 39, л. 21 об.].

Указание в переписных листах на то, что хозяйство «стало кочевать только после революции» или «приобрело оленей на другой год после революции», является не только политическим приемом, показывающим преимущества советского строя перед предшествующим «царским режимом». На самом деле с изменением социально-экономической ситуации на Ямальском полуострове в конце 1920-х гг. население получило больше возможностей приобретать оленей путем их покупки в кредит и за наличные деньги. С образованием стационарных населенных пунктов (факторий, районного центра Яр-Сале, поселков: Новый Порт, Ходата, Пуйко, Горный Хаманел) ненцы стали зарабатывать деньги, занимаясь извозом, заготовкой топлива, службой. Значительная заинтересованность государства в пушнине, а также рыбе и мясе обусловила широкую практику предоставления кредитов промысловикам, в том числе на приобретение оленей. Большая заслуга в этом принадлежит Интегралкооперативу и Рыбтресту.

Некоторые хозяйства, прежде бравшие оленей в подерпо, в новых условиях стали прибегать к кредитам. Одним из примеров является хозяйство Того Мосю, проживавшего до революции на Малом Ямале и имевшего стадо в 56 голов [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 39, л. 1 об.]. Будучи не в состоянии кочевать самостоятельно, он каждую осень брал 30 оленей в подерпо, а весной перед началом рыбного промысла отдавал их обратно. «После революции еще 8 лет держал оленей в подерпо. 9 лет тому назад переселился на Большой Ямал. Здесь бросили держать подерпо. К этому времени в хозяйстве было 17 голов. Взял в Интеграле ссуду в 30 оленей на сумму около 1000 рублей» [Там же]. Вануйто Тагана объяснял большое количество безоленных и малооленных хозяйств до революции отсутствием возможности «собрать денег на покупку оленей, а те, что были, тратились на дальнюю поездку в Обдорск. Крепко сидели в кабале у купцов. С революцией стали зарабатывать денег у Рыбтреста и первым делом стали закупать оленей» [Там же, д. 46, л. 211 об.]. Установленное путем расспросов количество лет, в течение которых хозяйство не кочевало, косвенно указывает на продолжительность восстановительного периода, растягивавшегося от 3 до 20 и более лет. Приобретая 50 оленей и больше, хозяйство уже могло перейти в разряд кочевого, хотя еще не было самостоятельным и могло кочевать только в составе кочевой группы [Там же, д. 46, л. 21 об.; д. 42, л. 31 об. и др.].

Статистические данные не позволяют говорить о массовом возвращении оленеводов в тундру в эти годы. Скорее всего, этот процесс носил стихийный характер. В создавшихся благоприятных условиях «заново поднялись» на каслание семьи, проживавшие полуседло уже во втором поколении и имевшие стационарные постройки. Так, Адер Сергей, отец которого уже был безоленный, жил сначала оседло на Салемале, затем в Ватангах, где построил деревянный амбар, служивший летом жилищем, а зимой — хранилищем рыболовных принадлежностей, постепенно в течение 5 лет приобретал оленей «рубкой леса, охотой, рыбой», а в 1933 г. взял ссуду в Интеграле на покупку оленей [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 39, л. 21 об.]. Смена образа жизни могла происходить на протяжении жизни одного поколения. Наличие жилых и хозяйственных построек не привязывало человека крепко к месту. В материалах переписи приведено описание нескольких случаев, когда семья в результате падежа оленей переходила жить в дом, купленный или построенный ими на месте рыболовного промысла, а затем оставляла его или продавала, а на вырученные деньги покупала оленей. Поронгуй Николай «года 3 назад купил избушку в Вануйто. Имел 4 оленей. До этого чумом постоянно стоял в Вануйто. В прошлом году (1933 г. — Е. В.) продал за 100 руб. избу и опять стал кочевать. ...11 голов оленей куплено в Интеграле прошлой осенью» [Там же, д. 38, л. 81 об.]. Подобным же образом поступил Яптик Илья, бросивший избу сначала в Обдорске (около 1903 г.), затем — в Нижнем Саматнеле (около 1929 г.) [Там же, д. 48, л. 31 об.]. В 1929 г. он купил оленей и стал кочевать «с малым радиусом кочевания», продолжая летом промыслять рыбу [Там же, л. 31 об.].

Население называло вполне рациональные причины, побудившие принять решение о смене рыболовного занятия на оленеводство и переходе с оседлого образа жизни на кочевой, что было наиболее выгодно в экономическом отношении в сложившихся условиях, прежде всего ввиду высокой закупочной цены на пушнину по сравнению с рыбой. Это положение хорошо резюмировал Яптик Ватуси, ответивший на вопрос, почему от перешел к кочевому быту: «...легче работать и выгоднее» [Там же, д. 44, л. 181 об.]. Уход в оленеводы стал реакцией на недоброкачественную работу организаций, занимающихся рыбодобычей на Ямале: «Рыбтрест плохо платил деньги, кредиты не давал и за добытую рыбу не получал [деньги]. [Я] распродал все и купил оленей» (Окотэтто Телька) [Там же, д. 41, л. 191 об.], «...рыболовное хозяйство бросил, так как русские его все обманывали, и перешел на оленеводство» (Сусой Нянгы) [Там же, д. 42, л. 191 об.]. Для некоторых полуседлых хозяйств возврат в оленеводство на какое-то время стал возможен благодаря найму пастухами во вновь организованные колхозы и совхозы [Там же, д. 41, л. 191 об.; д. 35, л. 21 об.].

Таблица 2

**Валовой доход промыслового населения Ямальского района
в 1934 г. в хозяйствах с разной оленеобеспеченностью
(в среднем на 1 хозяйство, руб.)***

Размер стада, число голов	От рыболовства	От охоты
До 100 оленей	1891	591
От 101 до 200	1294	978
От 201 до 300	692	1233
От 301 до 500	748	1390
Свыше 500 оленей	489	775

* Источник: ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 107.

Участники землеустроительной экспедиции на основании сведений о полученных населением в 1934 г. доходах установили следующую зависимость величины валового дохода от размера стада, показав экономическую пользу для семьи от владения оленями (табл. 2). А именно: «с увеличением количества оленей, прежде всего, насыщается потребность хозяйства в транспорте, и туземец получает возможность увеличить размер опромышляемой площади охотничьих угодий и повысить доход от охотничьего промысла. Помимо этого, параллельно возрастанию стада идет и увеличение выхода оленеводческой продукции, и оленевод становится уже более заинтересованным в вылове рыбы не только для своей семьи, но и для продажи. Кстати, и его личная потребность в рыбе становится меньше, так как в хозяйстве есть достаточное количество мяса. Наконец, в тех случаях, когда стадо становится настолько велико, что можно весь год питаться мясом и еще иметь излишки продукции оленеводства, за счет продажи которых оле-

Пути перехода с кочевого на оседлый образ жизни и обратно на Ямале...

невод может покупать все необходимые ему продукты питания и товары, тогда отпадает уже заинтересованность и в добыче охотничьей продукции, и такие крупные оленеводы живут в основном на доходы оленеводческого хозяйства» [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 107].

Появление сети населенных пунктов, распространение образования и новых форм хозяйственной деятельности (колхозы и совхозы) среди ненцев стали существенной альтернативой кочевому образу жизни, которой воспользовался целый ряд хозяйств. Вот несколько типичных ситуаций. Вануйто Молко, вступив в колхоз в 1932 г., «с тех пор не каслает, живет на одном месте в Ярсаях, отлучаясь на рыбный промысел, но на зиму вновь возвращается, живет в колхозном доме, хотя чум есть, но он его не ставит. Доктор не разрешает жить в чуме, так как Вануйто и его семья болели» [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 35, л. 81 об.]. Лапсуй Тэмпо вступил в ППО «Харп», его хозяйство, «как и другие хозяйства, входимые в Харп... имеет постоянное местожительство в Яр-Сале. Большая часть Харпа живет в чумах, некоторые в колхозном доме. Обычно в чуме живет по несколько семей. Свои чумы имеют немногие, другие или их не имеют, или имеют это явно плохие, но чумов не ставят. Летом Лапсуй Тэмко и Лапсу Лаэ работают на рыбопромыслах, зимой иногда в оленеводстве. Но их постоянное место жительства, куда они всегда возвращаются это Ярсале. Хозяйство... перешло на оседлость, но своих постоянных построек не имеет, поставлен вопрос о постройке поселка для колхоза и колхозников» [Там же, д. 36, л. 31 об.]. Худи Николай Андреевич «с кочевого образа жизни в 1933 г. перешел к оседлому, потому что его завербовали учиться в педтехникум, а стадо... отдал его дяде. Сейчас постоянных построек тоже не имеет, живет в чуме» [Там же, д. 37, л. 111 об.]. Пандо Петр, потерявший оленей от копытки и построивший для себя избушку рядом с Аксаркой, каждый год на зиму устраивается работать сторожем в Вануйто [Там же, л. 71 об.]. Мы можем только предположить, что в каждом из этих случаев глава хозяйства рассматривал свое вынужденное стационарное проживание как временное (болезнь, получение образования, бедность).

В рамках южно-тундрового хозяйственного комплекса практиковалось разделение труда внутри одной семьи, когда часть ее членов жила оседло и занималась рыболовством, а другая кочевала с оленями, не доверяя наемным пастухам, при этом извлекая экономическую выгоду из обоих видов деятельности. Такие хозяйства были наиболее устойчивыми, так как при неблагоприятных обстоятельствах одна отрасль компенсировала другую.

В целом мы можем говорить о том, что стремление к получению экономической выгоды было определяющим фактором в выборе образа жизни для ненцев. В конце 20-х — первой половине 30-х гг. XX в. наличие оленей в хозяйстве не только удовлетворяло потребности семьи в пище, одежде, жилище, но и позволяло получать хорошую прибыль от охотничьего промысла и извоза, значительно повышавших доход оленеводческой семьи по сравнению с рыбацкой. Поэтому несмотря на сокращение поголовья оленей и высокий процент малооленных хозяйств, отмечаемые в Ямальском районе в рассматриваемый период, расширение сферы применения оленей и интенсивное их использование в других отраслях, имевших товарный характер, само по себе обеспечивало семье безбедное существование. Созданные благоприятные условия для наращивания стада (предоставление кредитов и денежные заработки) только стимулировали переход полуоседлых и оседлых хозяйств к кочевому образу жизни в соответствии с традиционной культурной установкой, чутко реагируя на социально-экономические изменения, что свидетельствует о предприимчивости ненцев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 26. Д. 35–39, 41, 42, 44, 46, 48.
ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 188а.
Васильев В.И. Возникновение элементов частнособственнического уклада у самодийских народов Обско-Енисейского Севера // Становление классов и государства. М.: Наука, 1976. С. 314–343.
Волжанина Е.А. Население и оленеводство Ямала в материалах переписи 1932–1933 гг. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 2 (15). С. 225–235.
Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 204 с.
Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 610 с.
Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень: ИПОС СО РАН СО РАН, 1992. 281 с.

Е.А. Волжанина

Клоков К.Б., Хрущев С.А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. М.: Издат. дом «Стратегия», 2006. С. 13–33.

Королев Б.А., Кувичев В.С. Отчет о выполнении научно-исследовательских работ «Изучение структуры зооантропонозов в районах освоения газовых месторождений Ямало-Ненецкого автономного округа (заключительный). Тюмень: ИПОС СО РАН, 1990. 54 с.

Крупник И.И. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // СЭ. 1974. № 2. С. 57–69.

Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: (Из истории национально-государственного строительства 1822–1941 гг.): Сб. документов. Тюмень, 1994. 321 с.

Суслев И.М. Расчеты минимального количества оленей, потребного для туземного середняцкого хозяйства // Сов. Север. 1930. № 3. С. 29–34.

Терлецкий П.Е. Население Крайнего Севера: (По данным переписи 1926/1927 гг.) // Тр. научно-исследовательской ассоциации Ин-та народов Севера ЦИК СССР. Т. 1. Вып. 1/2. Л.: Тип. «Коминтерн», 1932. 65 с.

Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 228 с.

Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука, 1976. 190 с.

Stammler F. Reindeer Nomads meet the market: culture, property and globalisation at the «End of the land». Zugl.: Halle-Wittenberg, Univ., Diss., 2004. 380 p.

Тюмень, ИПОС СО РАН
nyabako@mail.ru

The article considers factors determining transition from settled to nomadic life and vice versa, regarding the Yamal Nenets in 1930s. Basing on analysis of concrete examples obtained from the initial materials of a household census of the Northern peoples, it is shown that a leading objective stimulus determining a choice in favour of nomadic life was aim and opportunities for a household to gain economic benefit.

Nomadic population, Yamal, reindeer breeding.